

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Приёмка

Действие происходит в мире, фигурировавшем в моих рассказах «Долг», «Доброволец». От нашего он отличается, главным образом, тем, что в нём существует легальное, регулируемое государственными структурами, рабство с возможностью перевода в данный статус только молодых людей и девушек от 18 до 22 лет.

— А документы какие-нибудь ты взял, солнце? — Как — то иронично спросила сидящая за конторкой полноватая черноволосая, но светлокожая женщина лет сорока с солидным бюстом.

— А? Да. — Неизвестно, от чего смутился парень лет 18, положив на перегораживавшую коридор стойку прозрачную папку.

— Та — ак, посмотрим, что тут у нас... — неизвестно, почему, простой щелчок кнопки смутил пришедшего ещё больше, а ниже его пояса начала расти пустота, — Ага паспорт, а это нас... копия закладной. Погоди немного. — Повозившись минуты с три, сверяя данные между обоими документами и со стоявшим тут же компьютером, женщина, наконец, достала откуда — то снизу картонную папку, которую, положив туда пару распечатанных на принтере листов, вручила пришедшему.

— Держи, это твоя карточка, туда будут записаны результаты обследования. И не волнуйся, никто пока тебя не забирает. Просто, надо же знать, что за добро нам, банку то есть, заложили, верно?

— Верно.

— Ну вот видишь. Так что, скоро будет женщина из Агентства, она тебя осмотрит, сюда кое — что запишет, и домой пойдёшь, а пока проходим сюда. — Она открыла маленькую дверку, приглашая «добро» за конторку. Здесь, помимо двери и её стула, оказалась также длинная низкая скамейка и утопленные в правую стену ячейки. — И раздеваемся. Вещи в ячейку, какая на тебя смотрит.

Должно быть, юноша густо покраснел, пока стягивал с себя шорты и майку. Затем, оставшись в одних светлых «семейниках», он дрожащими руками расстегнул сандалии и, поставив всё это в один из бетонных прямоугольников, стал перед приёмщицей.

— А трусики? — Чуть улыбнулась она. — Мальчикам ду нас можно только совсем голеньким.

— М... может не надо...

— Надо, иди сюда. — Уколов его короткими, ухоженными ногтями, женщина сдёрнула со своей жертвы последнюю деталь одежды, небрежно кинув их в сторону ячеек. — Не попала, ладно, потом подберёшь, а пока дай — ко я на тебя посмотрю. Ого! — Говорившая немного наигранно кивнула на стоявший торчком член парнишки, — хозяйство у тебя! А ты, я смотрю, уже и на море был... Отвечай, когда спрашивают.

— Д... да.

— Не бойся, не съем, я сегодня завтракала. Так, теперь ты поворачиваешься спинкой и... — говорившую прервал звук открывающейся двери, — идёшь и садишься на скамеечку.

Почти радостно он подошёл к лавке и затих, сев на неё. Следующим посетителем оказалась черноволосая девушка примерно одних с ним лет. Тоже немного побеседовав с последней и взяв у неё документы, женщина велев пройти за конторку, без лишних слов сдёрнула с неё майку с надписью «Love», под которой оказались парочка маленьких, с кулачок кгрудок,

украшенных розовыми сосочками, и короткие джинсовые шортики. Затем, оставив её в одних трусиках в цветочек, вручила очередной жертве шмотки, кивнув на правую стену. Сложив одежду, девушка, однако, не села рядом с первым посетителем, повернувшись к нему спинкой с наивно торчащими лопаточками, между которыми виднелся след от бретелек купальника, пересекаемый чёрной косой, и от нижней части — на чудесной округлой попке.

— Я ведь, кажется, сказала сесть, — уже сердито произнесла женщина. — Или и здесь тебе помочь?

Густо покраснев, бедняжка — таки села рядом с ним, почти касаясь собственным цветущим телом.

Вскоре у них появились ещё две соседки. Первой пришла высокая и полноватая девчонка лет двадцати. Этой тоже разрешили остаться в чёрных трусиках, красиво смотревшихся на идеально — белой коже с двумя солидных размеров грулями. В прочем, последнюю деталь одежды с неё могли и снять: почти полная нагота не смущала девушку, сначала от души (и на пару с сотрудницей банка) посмеявшуюся над «мелкими», а затем плюхнувшуюся на скамью так, чтобы ей лучше всего был виден стоявший торчком член единственного парня в этой компании. Следующей оказалась смуглая высокая девушка лет девятнадцати, беспрекословно стянувшая с себя почти всю одежду, и, оставшись в одних кипенно — белых трусиках, севшая между двумя другими.

Просидев где — то пару часов в таком унижительном и одновременно (как он не боялся себе в этом признаться) очень приятном положении, Витя (а нашего героя звали именно так) услышал треск старого телефона на столе приёмщицы. Поговорив по нему немного, она велела освидетельствуемым встать и выстроиться в ровную линию.

— Так, мальчики — девочки, — произнесла она, — сотрудница уже на месте, так что сейчас вместе со мной по двое проходим сюда, — она кивнула на дверь, — остальные ждём и даже не думаем убежать, дверь отсюда вы не откроете. Ну, кто смелый?

— А давайте я, — выступила вперёд старшая девочка, — и, — она кивнула на мальчика.

— Да, я тоже так думала. Вперёд.

Став за хранившей след от лифчика (но не от загара, хотя ягодицы были явно светлее остального тела) спиной смелой девчонки, он вслед за провожатой вошёл в небольшую светлую комнату. Здесь был стол, за которым стояли два кресла. Одно из них было занято женщиной лет тридцати пяти в деловом костюме, за другое села смуглая приёмщица, забрав у подопечных картонные папки и велев им стоять за приклеенной на пол чертой. Кроме них здесь была ещё одна тётка — полнеющая крашенная блондинка в белом халате.

— Иванова, сюда. — Кивнула на участок пола рядом со столом сотрудница агентства.

Та, к кому она обращалась, молча подошла.

— Трусы снять.

Медленно и, явно, без былого куража, девушка сделала то, что ей говорили. Теперь было ясно: чувства стыда и унижения знакомы и ей. Жаль было, что стоит Иванова спиной. Но этот недостаток был очень скоро ликвидирован подошедшей к ней сотрудницей Агентства государственных имуществ, грубо развернувшей освидетельствуемую, взяв за плечи. Далее начался осмотр: сперва, грубо оттянув веки, она осмотрела глаза потенциальной рабыни, потом, велев открыть рот, долго ковырялась там, подсвечивая электрическим фонариком, затем, немного помяв подбородок и шею, с какой — то даже злобой начала тискать большие (хотя и несколько скромнее её собственных) груди. Далее, велев лечь на стол, сотрудница

агентства немного помяла живот и, заставив согнуть ноги в коленях, долго проверяла двумя пальчиками задний проход и дырочку между стройных ножек своей первой на сегодня жертвы.

— Встать.

Девушка повиновалась.

— Вторая категория. У медика возражения есть?

— Нет.

— У сотрудника банка.

— Нет.

— Хорошо, тогда давайте подпишем протокол.

Закончив возиться с бумагами, девчонке разрешили надеть трусики, после чего она в сопровождении приёмщицы скрылась за дверью.

— Так... Москаленко...

Тот, к кому обращались, подошёл к столу.

— Полных лет сколько? — приблизившись почти вплотную, обратилась к нему девушка из Агентства.

— Восемнадцать.

— Тогда без хирурга нельзя, — как — то между делом отозвалась медик.

— Да, стань пока на место.

Чувствуя себя приговорённым, только что получившим помилование, он стал рядом с пришедшей сюда смуглой девочкой.

— Та — ак, Шахова. Сразу спрошу, тебе сколько?

— Девятнадцать.

— То же самое, — меланхолично произнесла медик.

— Хорошо... Сколько там ещё осталось?

— Одна, и ей тоже восемнадцать. — Ответила сотрудница банка. — Давайте, вы её посмотрите и отпустите, а потом я с этими в поликлинику пойду, а оттуда — к вам.

— Хорошо.

— Так, — обратилась приёмщица к жертвам, — идём за мной. Ждём тут, — продолжила она, когда они вновь оказались в темноватом коридоре. — А ты, — она взяла за руку оставшуюся девушку (осмотренной здесь уже не было), — за мной.

Когда они обе вернулись где — то через полчаса, почти всегда улыбающаяся женщина сказала ждавшим её встать. Затем, с минуту продержав их под своим пристальным взглядом, произнесла:

— Одевайтесь, Леночка может идти, сейчас выпущу. Марину и Виктора не отпускаю, дел у нас с вами ещё много.

Одевшись, и подождав, пока сотрудница отпустит черноволосую девчонку, молодые люди вместе с ней также вышли из коридора, но не к центральному входу, а о двор, где их ждал микроавтобус. Поговорив с водителем, женщина, севшая напротив подопечных, обратилась к ним:

— Так, дорогие мои, сейчас мы с вами должны пройти осмотр сначала у врача, а потом — в агентстве. К слову, настраивайте себя на то, что к моменту, когда мы вернёмся из поликлиники, там уже работать не будут, и потому вам придётся провести ночь в этом ведомстве. Так что, не расстраивайтесь, что сегодня домой не попадёте. Это понятно?

— Да.

К хирургу очереди практически не было. Этим специалистом оказалась полная женщина лет тридцати с длинными чёрными волосами. Заставив пациентов полностью раздеться, она зачем — то за руку подтащила парня к своему столу и, велев пошире расставить ноги до сильной, но отчего — то очень приятной боли сдавила его мошонку.

— Мммм, — он сделал слабую попытку сопротивляться.

— Тихо.

Закончив с яичками, врач также бесцеремонно осмотрела головку его члена, затем прозвучало:

— На кушетку на четвереньки становимся, попкой ко мне. Теперь мне будет нужна ваша помощь, — обратилась она к сопровождающей.

В следующую секунду пациент почувствовал, как знакомые руки грубо раздвигают его ягодицы, между которых медленно проникает палец потолще в резиновой перчатке.

— Не... не надо! — против своей воли почти закричал он.

— Надо. Стоим спокойно.

Одновременно с проникновением правой руки хирурга в его анус левая, ухатившись за ставший торчком член, быстро задвигалась по нему.

— Нет, нет, я же сейчас...

В следующее мгновение несколько струи белой жидкости упали на клеёнку.

— Молодец. — Руки врача исчезли. — Пока отмойте его, а я бумаги заполню и девочкой вашей займусь.

Заставив его встать, женщина из банка подвела освидетельствуемого к раковине, где собственноручно долго мыла промежность. Затем последовала команда стать на середину комнаты, откуда он мог видеть хирурга, сначала деловито щупавшую маленькие светлые грудки и плоский животик Марины, затем в сопровождении сдавленного постанывания при помощи какой — то штуки раскрывшей и обследовавшей её гладко выбритую письку.

Закончив, врач велела пациентам одеваться.

Дальше дорога им была к зданию Агентства, где вновь пришлось снять с себя всю одежду, отдав её сопровождавшей, тотчас же покинувшей их. После длительного ожидания в выложенную белым кафелем комнатку вошла медик, которую они видели ещё в банке и, взяв за руки, отвела их в также кафельный коридор, где цепью за правую руку пристегнула Витю к левой стене, а Марину — к правой рядом со светлокожей девушкой с прикованной за оба запястья коротко остриженными светло — русыми волосами и стройными, но как-то непропорционально длинными ногами.

— В общем так, — произнесла медик, — вы двое находитесь здесь до завтрашнего утра, однако, правила поведения для всех одни. Переговариваться между собой и обращаться к персоналу запрещено, если мы вас о чём — то спросим — отвечать «да, госпожа», «нет, госпожа», это ясно?

— Да госпожа, — ответили вновьприбывшие.

— Хорошо, — произнесла женщина и вышла.

У парня не было оснований не доверять её, но он точно знал, что эта ночь: голым при девчонках с ледяной стеной вместо постели и с каждой секундой всё сильнее ноющей рукой будет для него вечностью.

Проснулся (или, вернее, очнулся от кратковременного забытья) мальчик от пощёчины.

Следующим услышанным им звуком был удар цепи, которой он раньше был прикован о кафельную стену. Всё ещё мало что соображая, Витя почувствовал, как его грубо тянут за левую. Инстинктивно попытавшись сопротивляться, он больше услышал, чем почувствовал очередную пощёчины. Подняв глаза, маленький пленник увидел ведущую его высокую и полноватую ярко покрашенную рыжеволосую женщину лет тридцати. На новой мучительнице был белый халат с просвечивающим из-под него чёрным лифчиком, средней длины чёрная юбка и полупрозрачные тёмные колготки. Своего подопечного она повела к выходу, достала из кармана ключ и, открыв его, оказалась с ним в другом коридоре, полутёмном с крашенными стенами и полом из облупившихся досок. Впустив за металлическую дверь ещё одну сотрудницу, вероятно, пришедшую за Мариной, она потащила свою жертву к другой двери — небольшой с потрескавшейся краской. За ней оказалась душевая, освещаемая маленькими окошками под крышей. Пол здесь был выложен коричневыми плитками, какие бывают в подъездах, а стены примерно до половины высоты — старыми пожелтевшими плитками, выше и потолок — выбелены. Такой же кафель был на невысоких, явно ниже человеческого роста перегородках, разделявших выстроившуюся по периметру батарею из смесителей и алюминиевых трубок с лейками в верхней части. По середине комнаты стояли несколько длинных, как на физкультуре, невысоких скамей. Под одним из душей под негромкое ворчание наблюдавшей сотрудницы средних лет, тоже довольно упитанной, приводила себя в порядок довольно высокая девушка-азиатка с не очень длинными, но обладавшими приятной полнотой ногами и довольно большой грудью.

Дежурившая за стоящим у входа столом коротко стриженная крашеная блондинка на вид сорока с лишним лет, обладавшая полным, становившимся уже пухлым лицом, пододвинула к вошедшим какой-то пузырёк без этикетки, машинку для стрижки, одноразовый станок, высохший кусок хозяйственного мыла и одноразовое полотенце.

— Сядь, — приведшая его девушка кивнула на место на скамейке, по которым была разостлана прозрачная плёнка.

— Сейчас больно будет, — продолжила она, — но ничего не поделаешь.

Машинка, и правда, очень и очень больно вырывала волосы чуть не с корнями. Но эта самая боль в купе с ощущением на собственном плече тёплой женской руки и самим сознанием того, что с ним, полностью обнажённым всё это делает женщина, вскоре сделали своё дело. Но до окончания этой неприятной процедуры приходилось терпеть.

— Так, встать. — Произнесла она, закончив. — Иди к раковине и намочи головку, а то нам тут с тобой ещё долго.

Юноша сделал, что ему говорили.

— Теперь нагнись, сильнее. Рот открой.

Не успел он этого сделать, как два пальца оказались в самом горле, проникая всё глубже и глубже, пока не...

— Стань прямо, — коротко бросила сотрудница, отмывая руку от остатков рвоты, — подожди немного. — Теперь иди сюда, в плотную, — теперь стой спокойно, а то я могу порезать.

Надо ли говорить, что он чувствовал?! Сначала плавные, поглаживающие движение тёплой полноватой руки по лобку, потом — аккуратные движения бритвы... Из сладкого забытья его вывело сильно жжение, казалось, во всём теле от вылитой на него жидкости из маленького пузырька.

— Идём, — сотрудница взяла его за локоть и повела к одному из душей.

— Стань спинкой, — скомандовала она.

Сначала на него обрушился ледяной дождь, потом — кипяток, всё это сопровождалось трением грубого куска мыла о детскую кожу. Но странное дело, чем дольше с ним совершали эти болезненные манипуляции, чем больше Вите хотелось продолжения. Не то, чтобы ему нравилось чувствовать боль, но какое-то новое, такое же, как тогда, с учётчицей и хирургом, чувство наслаждения грубостью старшей женщины заставляло его чуть не просить о продолжении помывки, на что чутко реагировал ставшее торчком естество парнишки.

— Поворачивайся... — сотрудница душевой опустила глаза, — ого! Тут тоже надо помыть, — она взялась рукой за член, но, оглядевшись, и, видимо, поняв, что людей кругом, всё-таки многовато, отпустила его, без предупреждения принявшись за лицо.

Когда Витя вновь смог видеть после попавшего в глаза мыла, его уже тащили наверх по бетонным ступенькам. Поднявшись на пару этажей, сотрудница постучала в обитую кожей дверь и, получив разрешение, вместе с ним вошла в довольно просторный кабинет, где, как выяснилось, уже была Марина. Стены здесь были не кафельные, а оклеены обоями, пол — паркетным, на нём — такая же, как и в банке белая черта, за которую им велели стать. За большим столом у окна сидели вчерашняя полная женщина в деловом костюме с собранными в тугой узел чёрными волосами и та тётка, со знакомства с которой для ребят всё и началось. Рядом также стояла медик, правда, не вчерашняя полнеющая средних лет, а другая — помоложе, высокая и худая со стриженными под каре светлыми волосами.

— Москаленко, — произнесла тётка в строгом костюме, подвинув своё стул так, чтобы он стоял не за, а на некотором расстоянии от стола (мальчик даже мог видеть её трусики под серой юбкой-«карандашом»), — ко мне.

Стоило ему подойти, как две короткие, но сильные руки, грубо развернув спиной, начали ощупывать его позвоночник, затем, надавив на спину, сотрудница заставила его нагнуться и, раздвинуть ягодицы с тем, чтобы медленно, также, как хирург, просунуть палец в его задний проход.

— Мммм!

— Тихо! А то надолго у нас останешься!

Всё глубже проникал не длинный, но ухоженный бесцветный ноготок, пока вновь, как тогда, у хирурга, несколько белых капель не оказались на паркетном полу.

— Встать и спиной ко мне.

— Теперь выпрямемся и поворачиваемся.

Собственноручно запрокинув голову Вити назад, она велела открыть рот и, поковырявшись там немного, отпустила, объявив:

— Третья категория. Возражения у медика?

— Нет. — Меланхолично отозвалась высокая тётка.

— У представителя банка?

Смуглая женщина молча покачала головой.

— Тогда подпишем протокол.

Закончив с бумажной работой, его вновь заставили стать за чертой. Следующей оказалась Марина. Для начала девушка из агентства велела ей лечь навзничь на стол. В таком положении она какое-то время щупала её плоский смуглый животик, затем, сказав раздвинуть ноги, с какой-то штукой наклонилась к дырочке.

— Без целочки она у вас. — Почти с удовольствием произнесла исследовавшая.

— Да, у хирурга это было.

— Тогда её и проверить можно.

— Пожалуй, — кивнула приёмщица из банка.

— Ань, — обратилась глава комиссии к рыжей женщине, приведшей пленника, — давай молодого человека сюда.

Грубо поддавив к столу, его заставили стать коленями на деревянную крышку. Затем светловолосая женщина, заставив подопечную согнуть ноги в коленях, собственноручно широко раздвинула их. Женщина из банка взялась удерживать верхнюю часть тела марины в то же время рыжая Аня подвинула освидетельствуемого почти вплотную к другой жертве, потом врач взялась рукой за его вновь принявший боевую готовность член, вставив в дырочку между смуглых ножек.

— Давай, давай, работай, — быстро заговорила Аня, взяв его за таз, помогая совершать ритмичные движения.

Долго так длиться не могло. Вскоре он кончил внутрь тела девушки. Затем полуживых детей стащили со стола и опять повели мыться, затем — вновь куда-то потащили.

Кажется, снова сознавать что с ними происходит, они начали уже одетые в принадлежащей банку машине под разговоры сопровождавшей их приёмщицы о том, когда надо будет явиться для повторного освидетельствования, «если, конечно, за вы будете платить, как положено». Выходило, что Вновь пережить подобное мучительное, унижительное, но дьявольски-приятное действие им предстоит через полгода. Добавлять ли к этому сроку «целых» или «всего», никто из двоих не знал.